

ЭФИОПИСТИКА. ПАМЯТИ С.Б.ЧЕРНЕЦОВА

Е.В. Гусарова

*(Институт восточных рукописей РАН,
отдел рукописей РНБ)*

ОТРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПОДХОДА ИСТОРИОГРАФА В ХАРАКТЕРЕ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА (НА ПРИМЕРЕ ХРОНИКИ ЦАРСТВОВАНИЯ ТАКЛА ГИОРГИСА I)

Царские историографы (придворные секретари), носившие должностной титул *цехафе тээаз*¹, в Эфиопии непременно были питомцами традиционного образования и выходили из среды книжников. Знакомясь с эфиопскими рукописями и книгами (будь то царские хроники, монастырские хронографы или жития святых), постоянно ощущаешь начитанность их авторов в Писании и творениях отцов Церкви. За трудом эфиопских книжников чувствуется школа, комплекс знаний и умений, который можно было приобрести только путем традиционного образования. Это образование до начала XX в. было исключительно церковным и во многом определяло репертуар эфиопской книжности. Уже

---

¹ Это один из старейших титулов в государственной иерархии Эфиопии. Упоминание о нем восходит к правлению царя Лалибалы (тронное имя которого было Габра Маскаль) Загвейской династии, правившего, вероятно, на рубеже XII–XIII вв. См.: [Chernetsov, Nosnitsin 2010].

с момента своего зарождения образование в Эфиопии оказалось тесно связанным с книжной традицией, с одной стороны, и с Церковью — с другой. Было оно многоступенчатым и в общей сложности могло занимать у студента до 30 лет его жизни.

Особо одаренные и успешные выпускники высших школ традиционного образования могли стать царскими секретарями. Это была почетная должность в «табели о рангах», установленной Иясу I, который принял в 1690 г. за реформирование и упорядочивание церковной и государственной системы должностей и титулов. В Эфиопии церковная и государственная иерархии уже в конце XVII — начале XVIII в. были тесно переплетены². При дворе было два лица, носивших титул *цехафе-тээаз* (дословно «записывающий указы»). Они отвечали за запись царских указов и ведение царского летописания соответственно. В установленной Иясу I иерархии они делили четырнадцатое место.

Мы рассмотрим первый период царствования Такла Гиоргиса I (1779–1784, 1788–1789, 1794–1795, 1795–1796, 1795–1799, 1800) по его хронике³, составленной одним из двух царских секретарей, *алакой* Габру, чье имя известно нам из текста этой хроники⁴. При сравнении этой части повествования с продолжением летописания, принадлежащим другому автору, бросаются в глаза особенности подхода к повествованию *алаки* Габру, хорошо знавшего Священное Писание, прибегавшего в тексте к цитатам из него, к метким сравнениям героев повествования с библейскими персонажами, умело использовавшего особые литературные приемы для передачи тех или иных эмоций. Это повествование качественно отличается от летописаний других историографов этой эпохи.

---

² Названия государственных должностей в Эфиопии постепенно превратились в титулы, которые даровались царем и все больше и больше отрывались от своего реального содержания и теряли первоначальное значение. См.: [Гусарова 2013].

³ Текст хроники доступен нам в двух списках: *Orient. 821 из собрания Британского музея* и *Eth. 143 из Национальной библиотеки Франции* (см. их описание в: [Wright 1877: 315–318 ; Zotenberg 1877: 216–221].

⁴ Единственное издание текста (с английским переводом) со значительными неточностями и искажениями как в основном тексте, так и в переводе было выполнено в 1922 г. Г. Вэльдом Бланделлом, см.: [Blundell 1922].

Кризис царской историографии

Стоит отметить, что во второй половине XVIII в. в Эфиопии наметились активные центробежные тенденции, которые разрывали страну на части. Главной причиной этого стало падение престижа Гондарской монархии и, как следствие, рост амбиций крупных феодалов. Речь идет о продолжавшейся приблизительно с 1769 по 1855 г. так называемой «Эпохе судей» (*Замана Масафэнт*), получившей такое наименование по аналогии с периодом ветхозаветной истории, в ходе которого разделенный на отдельные племена («колена») древний Израиль претерпевал многочисленные бедствия. Эфиопские цари этой эпохи, последние представители Гондарской ветви Соломоновой династии, оказались марионетками в руках могущественных военачальников, которым удалось сконцентрировать в своих руках достаточное количество материальных средств (а следовательно, и оружия) и заручиться поддержкой предводителей многочисленных племен и народностей в различных областях.

Церковь больше не была надежной опорой царской власти в этой разобщенной стране, а митрополит не пользовался тем авторитетом, с которым прежде относились к обладателю этого сана⁵. Судя по тексту хроники, прибывший в 1770 г. в Эфиопию после кончины своего предшественника митрополита Иоанна III Иоасаф II с трудом ориентировался в ситуации разделенной на части страны. Он явно пребывал в нерешительности, не зная, какими будут его дальнейшие действия. Обстоятельства сложились так, что ему пришлось примкнуть к местному феодалу Михаилу Сэхулу⁶ за неимением реальной фигуры главы государства.

Подобная ситуация не укладывалась в традиции летописания, которыми руководствовались придворные историографы, что привело к кризису самой царской историографии. Если прежде власть

---

⁵ Авторитет главы Эфиопской церкви, присылаемого из Египта, был бесспорно выше в более спокойные периоды истории этой страны. Тем не менее он не мог обеспечить ему полное доверие паствы, для которой белокожий митрополит всегда оставался чужеземцем.

⁶ См. о нем: [Abbink 2007].

монарха в глазах эфиопов была непоколебима, то в нынешней ситуации, когда царь являлся фигурой номинальной, а власть была сконцентрирована в руках «третьего лица», терялся сакральный статус царя. Официальные хроники в этот период начинают посвящаться не царю, а тому или иному крупному феодалу, вокруг которого вращались основные политические события в стране. Хроника Такла Гиоргиса I в этом контексте выделяется среди прочих летописаний «Эпохи судей», ибо этот монарх был уникален тем, что ему единственному удавалось с переменным успехом сохранять некое подобие реальной власти. Поэтому его летописание более или менее соответствует традиционным царским хроникам предшествующих периодов, от которых оно тем не менее отделено хронологически. Таким образом, учитывая временную удаленность и смену исторических обстоятельств, при проведении аналогий между этими памятниками царской историографии нужно учитывать тот факт, что традиция была прервана и данное летописание в какой-то мере представляет собой искусственно возрожденную практику. Поэтому хроника Такла Гиоргиса I приобрела форму, близкую к классическим хроникам эфиопских царей средневековья, лишь благодаря стараниям и учености ее автора.

При чтении хроники Такла Гиоргиса I в памяти всплывают классические эфиопские царские хроники предшествующих периодов. В ее тексте, большая часть которого посвящена военным походам царя, можно найти параллели с хроникой победоносных военных походов царя Амда Сиона I (1314–1344) [Тураев 1936: 15–52] против мусульманских государств на юге Эфиопии, первым произведением, которое можно причислить к жанру царских хроник в истории эфиопского летописания. Традиция же описания военных походов вообще может восходить к царским надписям аксумского периода⁷.

Хроника Такла Гиоргиса I имеет стандартный зачин, сходный с вступлением составителя описания походов Амда Сиона и последующих хроник, состоящий из воззваний к Господу и некоторым святым и восхваления монарха, которому посвящено лето-

⁷ См. о монументальных надписях эфиопских царей: [Avanzini 2007].

писание. Сходным образом (по сравнению с хроникой царя Амда Сиона) ведется повествование, представлены премудрые изречения царя, в обеих хрониках отдельно оговаривается празднование царем дня Воздвижения Креста, одного из важнейших церковных праздников в Эфиопии. Стандартно по сравнению со средневековыми хрониками дано описание царских военных походов⁸.

Сопоставление этой части хроники Такла Гиоргиса I, описывающей первый период его царствования, с современными ей летописаниями еще раз подтверждает ее особое место, так как, например, предыдущая по времени описываемых событий хроника была посвящена крупному землевладельцу и влиятельному политическому деятелю Михаилу Сэхулу, фактическому правителю Эфиопии, прикрывавшемуся фигурами номинальных царей Иоаса I (1755–1769), Иоанна II (1769)⁹ и Такла Хайманота II (1769–1777), а предыдущие и последующие летописания посвящались различным правителям, таким как *рас* Хайлу и *рас* Али при таких же номинальных царях. Таким образом, они не являлись в полной мере царскими хрониками и, следовательно, отличаются как по форме, так и по содержанию. Главным героем хроники царя Такла Хайманота II был не сам царь, а Михаил Сэхул. Предшествующей воцарению Такла Гиоргиса I и последней перед длительным перерывом настоящей царской хроникой была хроника Иоаса I¹⁰, который был смещен с трона, а затем задушен по приказу Михаила Сэхула.

Личность *алаки* Габру и цитаты из Писания

Личность составителя хроники просматривается в стиле ведения летописания, литературных приемах, лирических отступлениях. В случае *алаки* Габру заметную роль играют его обращения к библейским текстам.

Стоит сказать, что проблематичным остается сличение точных цитат с соответствующими местами в Священном Писании,

⁸Сравни, например, с хроникой царя Аэлаф Сагада [Эфиопские хроники 1989: 4–63].

⁹Иоанн II правил всего пять месяцев.

¹⁰См. перевод этой хроники в: [Эфиопские хроники 1991: 146–207].

так как в рукописях имеются разночтения, причем в тексте Писания подчас значительные, а печатные издания соответствующих книг появились лишь во второй половине XX в. До этого времени Эфиопская церковь пользовалась исключительно рукописями. Поэтому в большинстве случаев будет корректным говорить не о прямых цитатах, а об аллюзиях на библейские тексты.

Удивляет разнообразие цитат, приводимых в хронике *алакой* Габру. Царский историограф ходил в военные походы вместе с царем и не мог носить с собой большую библиотеку церковных книг, а библейские тексты воспроизводил по памяти. Цитаты из священных книг подбирались и адаптировались к политической ситуации в стране. Так, на начальном этапе правления Такла Гиоргис I уповал на Господа, негодовал из-за большого числа недругов и врагов, которые противостояли его планам и укреплению его позиций как царя Эфиопии. Затем хроника переполняется цитатами, восхваляющими Господа и воссылающими ему благодарности. При описании походов против племен оромо сознательно подбирались цитаты, включавшие упоминания народов и их места в этом мире и пред Господом и т.д.

В обращениях *алаки* Габру к Писанию можно выделить прямые речи царя и аллюзии (сравнения), связанные с библейскими сюжетами. Стоит отметить, что сходным образом цитируется Писание и в первой известной нам хронике походов Амда Сиона I, в которой также преобладают цитаты из Псалтири¹¹. Кроме того,

---

¹¹ Примерно половина всех обращений к библейским книгам взяты составителем хроники из Псалтири. Что касается частоты употребления цитат из Писаний, то за Псалтирью следуют Первая книга Царств (ок. 14 %), Евангелие от Матфея, Вторая книга Царств и Книга Иеремии (по 3,5 % соответственно). Однократно в хронике встречаются обращения к Книге Судей, Исаие, Даниилу, Осии, Варуху, Экклезиасту, Притчам, Евангелиям от Луки, от Иоанна и др. Такое частое упоминание в хронике текста Псалтири объясняется тем фактом, что традиционное обучение обычно завершалось освоением этой главной литургической книги Эфиопской церкви. Многие ученики запоминали всю Псалтырь наизусть. Особенно важно это было для тех, кто собирался продолжить церковное образование и служить при церквях, так как псалмы составляют основу христианской литургии и гимнологии. Псалтирь в средневековом обществе имела большую популярность и среди мирян.

алака Габру приводит аллюзию на строки из Пс. 32,16–17¹², которая частично уже встречалась в хронике Амда Сиона I: «И вот, когда мы услышали о разрушении церквей и о взятии в плен верующих и более всего о том, что разбит на куски наш алтарь топором и молотом рукой язычников, взревновали мы ревностью духовной <...> ибо не спасается царь множеством своих воинов и ненадежен конь во спасение, но поскольку мы верим в ваши молитвы, отныне молитесь за нас, как молились за царя Ираклия жители Иерусалима и отец наш Пантелеймон за Калеба, царя Эфиопии» (Orient. 821, л. 472а, стлб. 3, стк. 6–14, 19–21; л. 472б, стлб. 1, стк. 5; Eth. 143, л. 307б, стлб. 2, стк. 5–9, 11–17). В хронике же Амда Сиона I Пс. 32,16–17 (первая половина) и Пс. 43,7¹³ представлены следующим образом, также в контексте опасностей военного похода: «Он не надеялся ни на многочисленность войска своего, ни на лук и стрелы, как сказал Давид: “Не спасется царь множеством силы своея и ненадежен конь во спасение. Не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет мене”» [Тураев 1936: 21]¹⁴.

Алака Габру замечательным образом подбирает меткие сравнения и аллюзии на Писание. Вот как интерпретировал он известный псалом 136, подводя под описанную в нем историю обстоятельства пленения в ходе набега племенами оромо эфиопских христиан. «На реках галлассов сидели мы и плакали» (Orient 821, л. 474а, стлб. 1, стк. 22 — стлб. 2, стк. 1; Eth. 143, л. 303б., стлб. 1, стк. 26–28).

Если взять за основу рукопись Orient. 821, то текст хроники, записанный *алакой* Габру, занимает листы с 446 по 510б, т.е. 55 листов пергамена, заполненных текстом в три столбца. На протяжении этих листов историограф обращается к Писанию более 60 раз.

Чувство авторства и осознание себя как личности и творца пришло относительно поздно в средневековую Эфиопию. В этом плане бросается в глаза частота, с которой хронист упоминает самого

¹² «16. Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила. 17. Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею».

¹³ «7. Ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня».

¹⁴ В примечании 3 Тураева ошибочно указан только Пс. 43,7.

себя и обстоятельства, связанные с собственной персоной в тексте хроники¹⁵. Уже на л. 448б. он сообщает о себе как об авторе хроники и одновременно подчеркивает свое религиозное рвение и отношение к царю Такла Гиоргису: «После этого через три дня пришел пешком *алака* Габру, написавший эту историю, даже немного не отдохнув, потому что он продолжал идти по приказу царя с образом *куръата рээсу*¹⁶, ибо он любил Господина своего и (желал), чтобы был явлен этот образ в (церкви) Баата» (Orient. 821, л. 448б, стлб. 2, стк. 7–17; Eth. 143, л. 289а, стлб. 2, стк. 16–22).

Историограф всегда описывает внимание, оказанное ему лично со стороны Такла Гиоргиса I. Он перечисляет врученные ему дары, рассказывает о совместных с монархом трапезах, пирах, на которые он был приглашен. В некоторой степени это напоминает заключения русских народных сказок: «И я там был, мед, пиво пил...» Он явно гордился своим высоким положением при дворе.

На л. 482б. *алака* Габру в последний раз упоминает свое имя в тексте: «Среди священников, кто получил назначения, *алака* Габру был назначен над своей землей, как уже было сказано, *азажем* земли Кана, которая пребывала в руках *лика* Мазмеран Кэнфу. И царь назначал всех не по собственному предпочтению, а по справедливости, так как он (*алака* Габру) работал над написанием истории до того, как был направлен в поход, чтобы он ничего не упустил, касающегося царя. А *лика* Мазмеран Кэнфу не был отправлен в поход, так как ему это не подобает по почтенному статусу и потому, что мудрый царь молвил: “Работа достойна исполнителя”» (Orient. 821, л. 482б., стлб. 1, стк. 24 — стлб. 2, стк. 17; Eth. 143, л. 308б., стлб. 2, стк. 5–16). Таким образом, автор в очередной раз восхваляет себя перед потенциальным читателем¹⁷.

¹⁵ Стоит отметить, что автор хроники всегда упоминает себя в третьем лице и чаще всего по имени и титулу.

¹⁶ Образ Христа в терновом венце, приписываемый евангелисту Луке и особо почитаемый в эфиопской традиции.

¹⁷ Вопрос о потенциальном читателе эфиопских царских хроник остается открытым. Трудно сказать, насколько составители летописаний представляли себе, для кого предназначался создаваемый ими текст. Можно только предположить, что писали они ради сохранения доброго имени царя и истории его жизни для будущих поколений и не забывали сохранить на века и свое имя.

При анализе текста, в котором встречаются многочисленные высказывания Такла Гиоргиса I, восхищает складность его речи, дипломатичный подход ко многим проблемам, начитанность в религиозной литературе. Все это могло бы охарактеризовать царя Такла Гиоргиса I как высокообразованного и просвещенного монарха, если не учитывать тот факт, что он, как и многие представители правящей династии, скорее всего, не знал языка геэз¹⁸. Доказательством этому служат дошедшие до нас, пусть и немногочисленные, рукописи, принадлежавшие представителям царского дома и высокопоставленным государственным деятелям, тексты которых содержат параллельный перевод или маргиналии на амхарском языке¹⁹.

Судя по всему, царский историограф сам составлял эти тексты, приписывая царю речи, сообразные положению дел при дворе и конкретным обстоятельствам, создавая, таким образом, своего рода художественное произведение.

Отражение смены царского историографа в тексте хроники

С листа 510б начинается хроника, автором которой был некий *абето* Абагаз²⁰. Причем до начала этой части хроники он уже фигурировал в тексте, составленном *алакой* Габру, в качестве приближенного *раса* Хайлу. Ему также посчастливилось встретить другого влиятельного деятеля Эфиопии того времени — Хайла Микаэла Эшате, по заданию которого он взялся за переписывание трудов по истории Эфиопии, так как рукописи многих царских хроник погибли в результате большого пожара в Гондаре.

С первых строк бросается в глаза иное отношение автора к тексту. Восхваляя, как подобает, в начале текста хроники своего гос-

---

¹⁸ До начала XVI в. на листах рукописей, принадлежавших царственным особам, пометы делались на языке геэз, а в рукописях, написанных позднее, — уже на амхарском языке. См.: [Getatchew 1970: 62].

¹⁹ Например, Digital Oriental Manuscript Library, DD-044, содержащая текст свода законов *Фатха Нагаст*; DD-049, содержащая *Филкэсийос* — основной текст эфиопской монастырской литературы; Ог. 133 из собрания Университетской библиотеки Иоганна Христиана Зенкенберга, Франкфурт-на-Майне.

²⁰ См. краткую информацию о нем в: [Chernetsov 2003: 5].

подина, он не сравнивает его с персонажами из библейских текстов (не придает ему сакральный статус, который традиционно имели цари как помазанники Божии) и реже обращается к текстам Священного Писания. Возможно, получив церковное образование (а иначе он не владел бы геэзом, языком, на котором написана хроника), он нечасто обращался к религиозной литературе, и она стерлась из его памяти. Зато *абето* Абагаз показывает себя как талантливый историк. В его хронике встречаются замечательные сравнения описываемых им событий с прошедшими историческими событиями. «И содрогнулись основы (земли) Годжам из-за иноземца, который ввез оружие, а именно пушки. И не случилось (такого) прежде и с тех пор не случается, хотя привозили оружие, а именно ружья, царю Эфиопии *аце* Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могучего мусульманина Граня, того, что разрушил Дабра Либанос; (так вот) не привозили ему (этому царю) такое оружие, как это» (Orient. 821, л. 518, стлб. 1, стк. 12 — стлб. 2, стк. 7; Eth. 143, л. 325б, стлб. 2, стк. 25–33)²¹.

Начиная с л. 523а, в той части хроники, в которой описывается очередное непродолжительное восшествие на престол Такла Гиоргиса I, по всей видимости, меняется историограф, так как количество цитат из Писания резко увеличивается. Имя нового историографа в тексте не фигурирует. И если *алака* Габру периодически приводил свое имя в тексте²², а *абето* Абагаз представился только вначале, то можно было бы предположить, что более скромный составитель последующего повествования не включил своего имени в текст хроники, что в общем отвечало сложившейся издавна традиции²³, тем более если он не являлся царским историографом.

²¹ Повествование в рукописи Eth. 143 имеет отличия от текста Orient. 821 (ср.: «Сотряслась земля Годжам и содрогнулись основы (земли) Дамот из-за пушек иноземца — (такого) дела, которого не случилось прежде и не было после этого. И когда привезли царю Клавдию, сыну *аце* Лебна Денгеля, убившему могущественного Граня, ружья, не привезли пушек (ни ему), ни всем, кто был донине»).

²² В общей сложности имя *алаки* Габру встречается в хронике 14 раз.

²³ Произведения эфиопских писцов крайне редко подписывались их авторами. Остается удивительным, например, что абба Бахрэй, живший в XVI в., подписал в конце текста свою «Историю галласов».

Метко подобранные сравнения и цитаты и стиль ведения летописания характеризуют царского историографа — автора хроники Такла Гиоргиса I как образованного и начитанного человека, обладавшего немалым литературным даром. Хроника представляется не сухим перечислением событий, а занимательным повествованием с лирическими отступлениями и использованием своеобразных литературных приемов. В этом видна немалая заслуга ее автора, *алаки* Габру, преданного своему господину и старательно следующего церковной книжной традиции.

Список сокращений

EAE — Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 1–5. Wiesbaden, 2003–2014.

Библиография

Гусарова Е.В. Царская власть и Церковь в Эфиопии в конце XVIII в. (по данным хроники Такла Гиоргиса I из рукописи Orient. 821 Британской библиотеки) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2013. Вып. 5 (35). С. 21–29.

Тураев Б.А. Абиссинские хроники XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 15–52. (Труды Института востоковедения. Т. XVIII).

Эфиопские хроники XVII–XVIII веков / Введ. и закл., пер. с эфиопск. и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1989.

Эфиопские хроники XVIII века / Введ. и закл., пер. с эфиопск. и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1991.

Abbink J. Mika'el "Səḥul" // EAE. 2007. 3. P. 962–964.

Avanzini A. Gə'əz inscriptions in Ethiopia/Eritrea in antiquity // EAE. 2007. 3. P. 159–162.

Blundell H. Weld. The Royal Chronicle of Abyssinia 1769–1840 with translation and notes. Cambridge, 1922.

Chernetsov S. Abägaz // EAE. 2003. 1. P. 5.

Chernetsov S., Nosnitsin D. Šäḥafe tə'əzaz // EAE. 2010. 4. P. 460–461.

Getatchew Haile Archaic Amharic Forms // Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies, Addis Ababa, 1970. P. 61–80.

Wright W. Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum acquired since 1847. L., 1877.

[*Zotenberg H.*] Catalogue des manuscrits éthiopiens (gheez et amharique) de la Bibliothèque nationale. P., 1877.